Гж. В. Колодко

СО ВРЕМЕНЕМ РАЗУМ ВОЗОБЛАДАЕТ

1. Определенно, я ожидал падения Берлинской стены. Я даже объявил о ее неизбежности на одной из научных конференций, которые тогда организовал в качестве директора Института финансов, сказав, что это значительно изменит внешние обстоятельства происходивших в Польше политических и экономических преобразований. Позже я говорил, что именно мы – поляки – разрушили Берлинскую стену, поскольку уже весной 1989 г. произошли большие перемены, инициированные успехом польского «Круглого стола», в деятельности которого я участвовал.

Осенью 1989 г., когда пала Берлинская стена, мы искали способ преодолеть структурный и системный экономический кризис, экономическую модель, которая позволила бы нам отойти от дефицитной экономики, освободиться от разрушительной экономической неэффективности и уровня жизни по синдрому дефицита. Что касается ожиданий в то уникальное время, то мои мысли были сосредоточены, прежде всего, на системной трансформации, на направлении постсоциалистических изменений для построения социальной рыночной экономики.

Не думал, что моя страна скоро станет врагом России, что, к сожалению, имеет место в настоящее время. Не думал и о том, что мы можем стать членом НАТО, потому что меня интересовала экономическая и социальная сторона перемен, а не политическая и военная. Скорее, я думал о далеком видении присоединения к Европейскому экономическому сообществу.

Конечно, изменения, произошедшие через несколько лет, пошли намного дальше, чем я ожидал 9 ноября 1989 г. Хотя у меня не было иллюзий, что это не было «концом истории» (тогда такого понятия еще не было; Фрэнсис Фукуяма для большего эффекта ввел его чуть позже), я, конечно, не ожидал появления мира, такого разделенного и противоречивого, как сейчас.

2. Некоторые страны, а точнее политики в этих странах, не в состоянии освободиться от стремления к господству над другими или,

---

Гжегож Витольд Колодко – *доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER, иностранный член Российской академии наук (г. Варшава).*

по крайней мере, от возможности влиять на них. Чрезвычайный пример такого подхода в настоящее время – это американский президент Дональд Трамп со своим американским центристским и, по сути, эгоистичным лозунгом *«Сделай Америку снова Великой!»*. Другие, в том числе Россия под управлением президента Владимира Путина, не хотят мириться с фактом необратимой потери влияния как в регионах, окружающих Россию, так и вдали от нее.

Выясняется также, что международная напряженность, многочисленные этнические и национальные противоречия находились в состоянии глубокой спячки во время первой «холодной войны» (как я называю период 1945–1989 гг., потому что сейчас, к сожалению, у нас вторая «холодная война»). Они были подавлены империалистическими силами, но политическая оттепель позволила возродить прошлую вражду. Это пересекается с конфликтами, возникшими в результате колониальных территориальных делений мира, которые часто игнорировали национальную самобытность, и сегодня это приводит к открытой ненависти, к конфликтам или даже к войнам между соседями.

Достаточно упомянуть столкновение на границе между Мьянмой и Бангладеш, в котором участвует народ рохинджа, или эскалацию конфликта в отношении позиции курдов в приграничных районах Турции, Сирии и Ирака, или в Мали борьбу народа туарегов за Независимое Государство Азавад. Мировые державы, хотя и в далеком географическом смысле, считают, что они должны вмешиваться, как Соединенные Штаты и Россия, реже как Великобритания и Франция. Интересно, что Китай, которого Запад часто обвиняет в империалистических наклонностях из-за инициативы «Один пояс и один путь», этого не делает. Большие европейские страны, особенно Германия, тоже ведут себя скромно, в основном прагматично.

Из-за исторического наследия, отношения между, скажем, Японией и Китаем или между Индией и Пакистаном, или между Боливией и Чили – плохие. В таких ситуациях, иногда незначительные конфликты экономических интересов эксплуатируются и преувеличиваются плохой политикой, превращаясь в серьезный политический кризис. Этого можно избежать, и эти угрозы можно устранить. Это подтверждается, в частности, опытом Аргентины и Чили или Намибии и Южной Африки. Нынешние польско-германские отношения представляют собой прекрасный пример такого решения. Когда-то худшие из возможных, до падения Берлинской стены, они были сложными, а потом превратились в прагматичные и добрососедские, хотя есть еще политики, которые могут их испортить. Опять же просто из-за политической безответственности и просто из-за обычной глупости.

3. Оказывается, что, к сожалению, да. Надежда состоит в том, что все крупные конфликты современного мира, связанные с неравенством в доходах и в богатстве, с демографическими проблемами и с

великой миграцией народов, с неполной глобализацией, которая в своем экономическом измерении все еще недостаточно открыта, со следующей гонкой вооружений, разрешимы. Однако это не означает, что они будут решаться мирным, прагматичным и прогрессивным образом. Интеллектуальные и политические усилия в решении этих проблем должны быть длительными и настойчивыми.

Как и 30 лет тому назад, когда пала Берлинская стена, так и сейчас, спустя поколение, я верю, что, со временем, разум возобладает. С этой точки зрения был также создан мой новый прагматизм, набросок неортодоксальной и междисциплинарной теории экономики и экономической политики, которые должны служить тройному – экономически, социально и экологически – устойчивому развитию для общего блага. Думаю – и для этого есть много причин, – что в 2039 г., когда мы будем праздновать 50-ю годовщину падения Берлинской стены, мир станет намного лучше. Это не точно, но это возможно.